

Малослойные графеновые структуры как перспективный сорбент микотоксинов

© А.П. Возняковский,¹ А.П. Карманов,² Л.С. Кочева,³ А.Ю. Неверовская,¹ А.А. Возняковский,⁴ А.В. Канарский,⁵ Э.И. Семенов,⁶ С.В. Кидалов⁴

¹ Научно-исследовательский институт синтетического каучука, 198035 Санкт-Петербург, Россия

² Институт биологии Коми НЦ УрО РАН, 167982 Сыктывкар, Россия

³ Институт геологии им. акад. Н.П. Юшкина Коми НЦ УрО РАН, 167982 Сыктывкар, Россия

⁴ Физико-технический институт им. А.Ф. Иоффе РАН, 194021 Санкт-Петербург, Россия

⁴ Казанский национальный исследовательский технологический университет, 420015 Казань, Татарстан, Россия

⁵ Федеральный центр токсикологической, радиационной и биологической безопасности, 420075 Казань, Татарстан, Россия
e-mail: vozpar@mail.ru

Поступило в Редакцию 15 февраля 2022 г.

В окончательной редакции 15 февраля 2022 г.

Принято к публикации 25 марта 2022 г.

Экспериментально установлено, что образцы малослойного графена, синтезированные карбонизацией растительных материалов (лигнин, целлюлоза и кора ели) в условиях самораспространяющегося высокотемпературного синтеза, являются эффективными сорбентами в отношении микотоксина *T-2* в условиях, моделирующих среду в желудочно-кишечном тракте млекопитающих, и способны необратимо сорбировать не менее 94,6% микотоксина при сорбционной емкости в 1 мг микотоксинов на 1 г сорбента.

Ключевые слова: малослойный графен, самораспространяющийся высокотемпературный синтез, удельная поверхность, сорбция микотоксинов.

DOI: 10.21883/JTF.2022.07.52649.31-22

Введение

Обеспечение продовольственной безопасности — серьезная проблема, с которой сталкивается мировая экономика. Решение этой проблемы требует комплексного междисциплинарного подхода. В частности, важной задачей обеспечения продовольственной безопасности является снижение в максимально возможной степени потерь сырья биологического происхождения и конечных продуктов его переработки. В рамках этой задачи наиболее сложно решаемой проблемой является проблема борьбы с поражением продовольствия и кормов плесневыми грибами, продуктом жизнедеятельности которых является широкая группа токсических органических соединений — микотоксинов [1,2]. С химической точки зрения структура молекул микотоксинов варьируется от простых молекул, содержащих гетероциклические, до более сложных молекул, с 6–8 нерегулярно расположенными гетероциклическими кольцами [3]. Поражение собранного урожая микотоксинами может произойти на любой стадии: начиная от сбора урожая и вплоть до его реализации. Невозможность локализации времени поражения исходного биологического сырья микотоксинами дела-

ет проблему их удаления или инактивирования очень сложной задачей. Сложность задачи многократно возрастает, если микотоксины из первичного сырья переходят в конечные продукты (корм для скота, продовольствие) [4].

К настоящему времени разработаны многочисленные стратегии, включая физические, химические и биологические методы воздействия, для обеззараживания или детоксикации микотоксинов в зараженных продуктах питания и кормах (например, [5,6] и ссылки в них). Тем не менее до настоящего времени проблема поражения продуктов питания и кормов микотоксинами далека от решения, что стимулирует многие исследовательские группы искать новые подходы к решению задачи инактивации микотоксинов. Так, перспективным подходом считается иммобилизация микотоксинов сорбентами, добавляемыми в корм животных [7–9]. Эффективными сорбентами микотоксинов, как показано в ряде недавних работ, являются графеновые наноструктуры — оксид графена (GO), восстановленный оксид графена (*rGO*) и композиты на их основе [10–12]. Преимуществом графеновых наноструктур, по сравнению с традиционно используемыми сорбентами, является их способность иммобилизовывать широкий спектр различных микоток-

синов, а также принципиальная возможность их регенерации для повторного использования [13].

Однако, несмотря на показанную перспективу внедрения графеновых наноструктур для иммобилизации микотоксинов, реальность их использования в практической биотехнологии вызывает сомнения. Прежде всего, это является следствием явно недостаточной производительности известных к настоящему времени методик их синтеза. Даже наиболее производительные методики синтеза графеновых наноструктур, такие как многочисленные варианты метода Хаммерса (например, [14] и ссылки в ней), позволяют получать ГО и соответственно rGO в объемах, достаточных только для лабораторных экспериментов (десятки грамм в смену), что явно недостаточно с учетом масштабности проблемы. Кроме того, метод Хаммерса (включая множество его модификаций) синтеза ГО предусматривает использование агрессивных кислотных и щелочных агентов для обработки исходного графита, что при расширении производства ставит под сомнение его экологическую безопасность и экономичность. Поэтому усилия многих научных групп направлены на поиски методики синтеза графеновых наноструктур, отвечающей требованиям экологической безопасности и вместе с тем позволяющей получать графеновые наноструктуры в необходимых для реального применения количествах по приемлемой цене.

Недавно нами была предложена высокопроизводительная и малозатратная методика синтеза графеновых наноструктур, а именно малослойного графена (в иностранной литературе *few-layer graphene* — FLG), карбонизацией биополимеров растительного происхождения в условиях процесса самораспространяющегося высокотемпературного синтеза (процесса СВС) [15,16]. Физически СВС представляет собой процесс перемещения волны сильной экзотермической реакции по смеси реагентов (окислителя и восстановителя), в котором тепловыделение локализовано в тонком слое и передается от слоя к слою путем теплопередачи. Типичными характеристиками процесса СВС являются: скорость распространения фронта пламени $\sim (0.1-20)$ см/с; максимальная температура горения $\sim (2300-3800)$ К; скорость нагрева вещества в волне $\sim (103-106)^\circ$ С/с. Для проведения процесса СВС не требуется уникальное аппаратное оформление, нет и принципиальных масштабных ограничений. Также в случае процесса СВС нет необходимости постоянного подвода энергии от внешних источников. Кроме того, имеется возможность проведения процесса СВС в любой атмосфере или в вакууме, что позволяет, в определенной мере, получать конечный продукт с заранее заданными свойствами [17].

Синтезированные по данной методике частицы малослойного графена показали свою высокую эффективность в качестве материала катода для получения низкороговой полевой эмиссии [18], а также в качестве модифицирующей добавки при создании полимерных композитов на основе бутадиен-нитрильного каучука [19].

Однако приходится учитывать, что разработанная нами методика получения графеновых наноструктур основана на синтезе по механизму „bottom-up“, тогда как используемые в настоящее время методики получения графеновых наноструктур и, в первую очередь метод Хаммерса, основан на механизме „up-bottom“. В этой связи нельзя уверенно утверждать, что по своим морфометрическим параметрам получаемый нанокремний по предложенной нами методике будет соответствовать графеновым наноструктурам, получаемым по наиболее распространенным методикам и соответственно может быть успешно применен для иммобилизации микотоксинов.

Целью настоящей работы являлся синтез графеновых наноструктур карбонизацией биополимеров растительного происхождения в процессе самораспространяющегося высокотемпературного синтеза, характеристика и проверка их сорбционных свойств по отношению к микотоксинам.

1. Экспериментальная часть

1.1. Материалы

1.1.1. Биополимеры

Непротиворечиво можно предположить, что нативным элементом, формирующим сотовую структуру листа графена, является цикл из шести атомов углерода — гексагон. Установление доступного источника таких циклов и разработка методики инициирования процессов их самоорганизации „снизу-вверх“ позволили бы получить графеновые структуры в необходимом для практики масштабе. Мы предположили, что приемлемым источником гексагонов могут оказаться биополимеры, содержащие в основной цепи циклические структуры. В этой связи в качестве исходных веществ для синтеза FLG использовались лигнин (получен отбором из отходов Архангельского целлюлозно-бумажного комбината); кора сосны (из коллекции Тихоокеанского государственного университета); целлюлоза микрокристаллическая (марки МКЦ-101, Diapazon Pharm, Москва).

1.1.2. Микотоксин

В качестве характерного образца микотоксинов использовали 4,15-диацетокси-8-(3-метилбутирилокси)-12,13-эпокситрихотецена-3-ол (микотоксин T-2, „Fermentek Ltd.“, Израиль).

1.1.3. Синтез малослойного графена

Все биополимеры предварительно высушивали, измельчали и просеивали для получения однородной массы. Подготовленные образцы перемешивались с порошком окислителя в соотношении по массе биополимер: окислитель = 1 : 1. В качестве окислителя использовали нитрат аммония. Лабораторная установка представляла

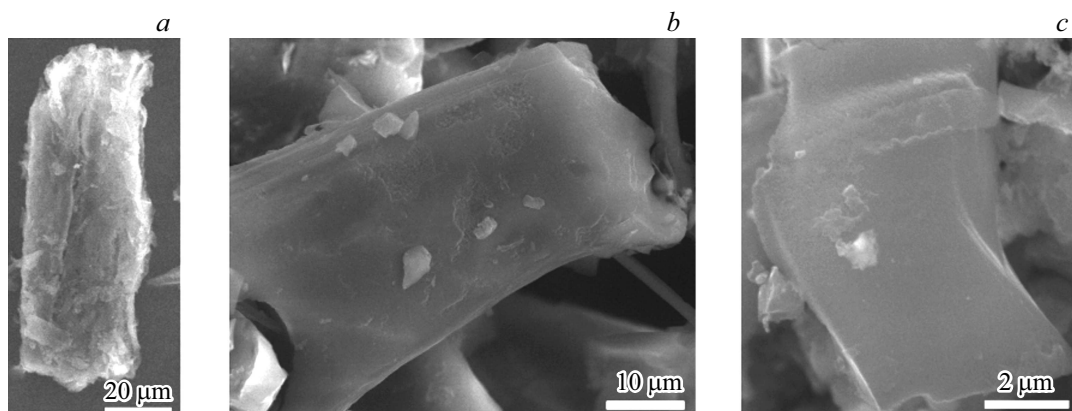

Рис. 1. СЭМ изображения FLG синтезированного методом СВС из лигнина (а), целлюлозы (b) и коры сосны (с) соответственно.

собой трехгорбую колбу из стекла марки „пирекс“, снабженную термопарой, вакуумным отборником выделяющихся газов, устройствами подачи инертного газа и системой обогрева. В колбу помещали навеску подготовленной реакционной шихты и включали обогрев. О начале процесса карбонизации судили по началу процесса газовыделения. После этого обогрев отключали и дожидались окончания процесса газовыделения, считая этот момент окончанием СВС процесса. Температуру начала и окончания процесса газовыделения регистрировали по показаниям термопары. Полученный порошкообразный продукт подвергали дальнейшим исследованиям.

1.2. Методы

1.2.1. Электронная микроскопия

Электронные изображения частиц порошков FLG были получены на сканирующем электронном микроскопе TESCAN Mira-3M.

1.2.2. Спектроскопия комбинационного рассеяния (рамановская спектроскопия)

Спектры комбинационного рассеяния (рамановские спектры) были получены на приборе Confotec-500, РБ. Длина волны лазера составляла 532 nm. Перед измерением образцы осаждались на кремниевые пластины из водных суспензий.

1.2.3. Измерение удельной поверхности и пористости

Измерение удельной поверхности проводилось на приборе- ASAP 2020 MP, США с использованием метода БЭТ. В качестве газа-адсорбата выступал азот. Перед измерением образцы выдерживались в течение 2 h в вакууме при температуре 300°C.

1.2.4. ИК-фурье спектроскопия

ИК-спектры поглощения были получены на ИК-фурье спектрометре „ИНФРАЛЮМ ФТ-08“, РФ.

1.2.5. Измерение дисперсности частиц

Измерение дисперсности частиц производилось методом динамического светорассеяния (DLS), на приборе Mastersizer 2000, США. Для измерения были приготовлены суспензии частиц МГ в воде с концентрацией 0.05 mass.%.

1.2.6. Исследование сорбционно-десорбционных характеристик

Адсорбцию микотоксина *T-2* проводили при его концентрации в растворе 50 μg, соотношении токсин:адсорбент 1:1000, при pH среды 2.0, температуре 37°C. Затем раствор центрифугировали, из фугата токсин переэкстрагировали в хлороформ трижды по 20 ml. Хлороформные экстракты объединяли и упаривали досуха на ротационном испарителе. Количественное определение остаточных количеств микотоксина *T-2* в сухом остатке проводили методом тонкослойной хроматографии с биоавтографическим завершением с использованием культуры *Candida pseudotropicalis* штамм 44 ПК. Определяли показатель адсорбции микотоксина при pH 2 (Q , %) и показатель его десорбции при pH 8 (D_S). Величина Q представляет собой среднее значение показателя адсорбции, выраженное в процентах от общего количества микотоксина, взятого в эксперименте. Количество прочно адсорбированного микотоксина (Q_S , %) вычисляли исходя из разности показателей адсорбции Q и десорбции D_S .

2. Результаты и обсуждение

Общий вид частиц FLG, синтезированных из лигнина (FLG_{lg}), из целлюлозы (FLG_{cel}) и из коры ели (FLG_b), а также их распределение по размерам были оценены с использованием взаимодополняющих методик сканирующей электронной микроскопии (СЭМ) (рис. 1) и DLS (рис. 2).

На рис. 1 в качестве примера приведены микрофотографии частиц, полученных карбонизацией лигнина

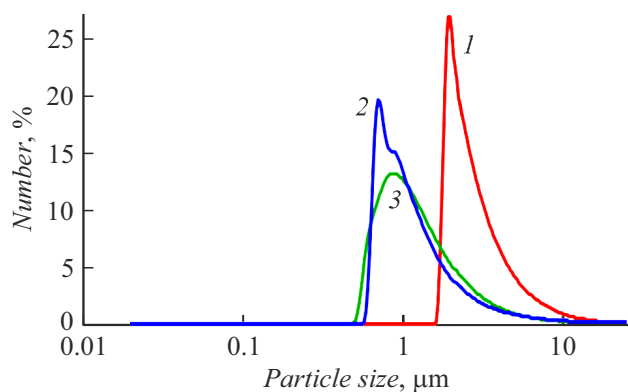
в условиях процесса самораспространяющегося высокотемпературного синтеза. Рис. 1 демонстрирует характерную для частиц малослойного графена слоистую хлопьевидную микроструктуру, сформированную тесно связанными друг с другом отдельными листами графена (например, [20,21]).

Данные метода DLS приведены на рис. 2.

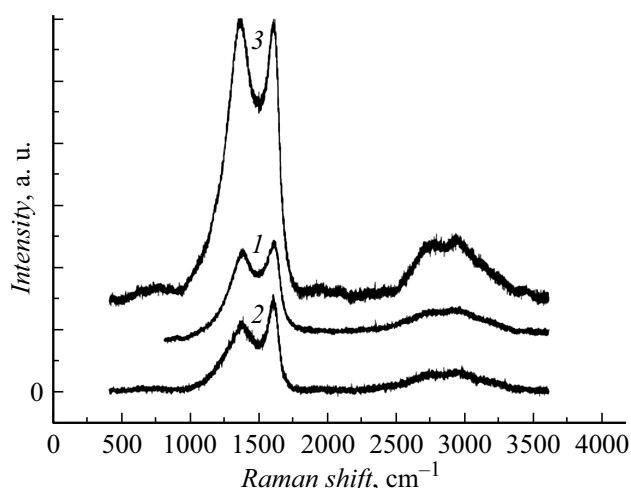
Данные рис. 2 демонстрируют, что как планарные размеры частиц, так и характер кривой их распределения по размерам зависят от архитектуры макромолекулы исходного биополимера (прекурсора). Наибольшие планарные размеры получены для FLG_{lg}, для которого все частицы находятся в области микронных размеров (среднечисленный планарный размер 2 μm). Для FLG_{cel} и FLG_b максимум планарных размеров частиц смещен в сторону субмикронной области и равен 0.73 и 0.90 μm соответственно. Сопоставление данных DLS и СЭМ позволяет заключить, что хотя синтезированные частицы могут иметь линейные размеры вплоть до нескольких десятков микрон, однако число частиц с такими линейными размерами невелико.

Для оценки качества графеновых наноструктур были получены рамановские спектры (рис. 3).

На всех полученных спектрах комбинационного рассеяния имеются *D*- и *G*-пики, а также совмещенная область *2D*- и *D + G*-пиков. Аналогичные спектры были получены во многих работах, посвященных изучению рамановских спектров графеновых структур (например, [22,23]). Рассчитанное соотношение интенсивностей *D*- и *G*-пиков для образцов из лигнина, целлюлозы и коры сосны составляло 0.78, 0.95 и 1.13 соответственно. Согласно теоретическим представлениям, соотношение площадей *D*- и *G*-пиков пропорционально числу графеновых слоев в стеке. Соответственно, учитывая, что для однослойного графена соотношение интенсивностей *D*- и *G*-пиков равно 0.26, легко подсчитать, что в нашем случае число графеновых слоев в стеке находится в пределах 3–5.

Рис. 2. Распределение по размерам частиц FLG, синтезированных в условиях СВС процесса из лигнина (1), целлюлозы (2), коры сосны (3).

Рис. 3. Рамановские спектры FLG, синтезированного методом СВС из лигнина (1), целлюлозы (2), коры сосны (3).

Таблица 1. Поверхностные характеристики малослойного графена, синтезированного из различных биополимеров

Тип пор	Объем пор, см ³ /g	Удельная поверхность, м ² /g
FLG _{lg}		
Микропоры (< 2 nm)	0.1671	497.00
Мезопоры (2–50 nm)	0.0164	1.93
Макропоры (> 50 nm)	0.0099	0.27
Суммарно	0.1934	499.20
FLG _{cel}		
Микропоры (< 2 nm)	0.2134	658.07
Мезопоры (2–50 nm)	0.0451	13.88
Макропоры (> 50 nm)	0.0004	0.05
Суммарно	0.2589	672.00
FLG _b		
Микропоры (< 2 nm)	0.1490	540.58
Мезопоры (2–50 nm)	0.0415	13.13
Макропоры (> 50 nm)	0.0508	0.44
Суммарно	0.3413	554.15

В табл. 1 сведены результаты измерений по определению удельной поверхности малослойного графена, синтезированного из различных биополимеров. Анализ данных (табл. 1) позволяет заключить, что природа прекурсора также явным образом влияет и на величину удельной поверхности карбонизированного продукта. При этом наибольший вклад в суммарную величину удельной поверхности вносят микропоры. Так, макси-

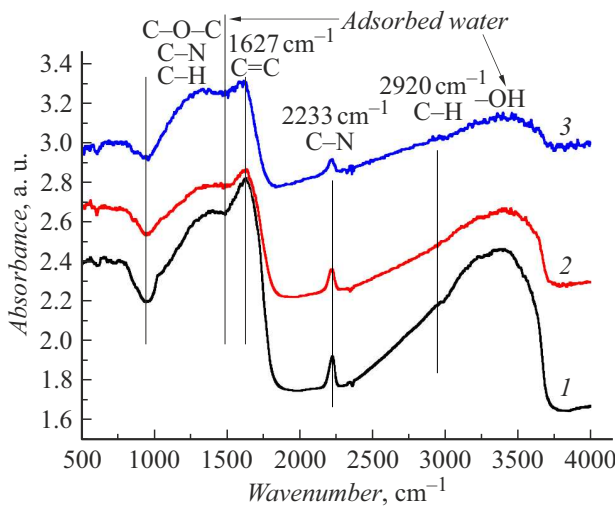

Рис. 4. ИК фурье-спектры МГ, синтезированного методом СВС из лигнина (1), целлюлозы (2), коры сосны (3).

Таблица 2. Сорбционно-десорбционные характеристики образцов FLG в отношении микотоксина T-2, %

Образец	Q	D_s	Q_s
FLG_lg	96.0 ± 0.8	0.17 ± 0.02	95.3 ± 0.9
FLG_cel	> 99.0	< 0.1	> 99.0
FLG_b	96.4 ± 0.6	< 0.1	96.4 ± 0.6

мальное значение удельной поверхности было получено для FLG_cel, для которого был зафиксирован максимальный объем микропор.

На рис. 4 представлены результаты исследования состава поверхностных групп синтезированных образцов методом ИК фурье-спектроскопии.

Как видно из рис. 4, состав терминальных групп всех образцов карбонизированного продукта идентичен. Кривые ИК содержат типичные для графеновых материалов связи C–O–C (945 cm^{-1}), C–H (2920 cm^{-1}) и C=C (1627 cm^{-1}). Спецификой синтезированных нами 2D-графеновых материалов является регистрируемая связь C–N (2233 cm^{-1}), появление которой обусловлено использованием в качестве окислителя нитрата аммония.

Таким образом, природа прекурсора отражается в основном на морфометрических параметрах финишных частиц FLG, при неизменном наборе терминальных функциональных групп.

Следующим важным этапом работы было проведение экспериментов по сорбции микотоксина T-2 полученными образцами FLG. Ранее для оценки сорбционной активности потенциальных энтеросорбентов Крюковым с сотр. была разработана новая методика *in vitro*, имитирующая взаимоотношения сорбент-сорбат в желудочно-кишечном тракте млекопитающих ($T = 37^\circ\text{C}$). Мето-

дика основана на повышении кислотности, характерной для желудочного тракта ($\text{pH} = 2$), до кислотности, характерной для кишечного тракта ($\text{pH} = 8$) [24]. Сорбционная активность или показатель необратимой адсорбции Q_s оценивалась по разности показателей сорбции при разных значениях pH. Наши эксперименты, проведенные в рамках этого подхода, позволили установить значения показателя Q_s для исследуемых образцов FLG (табл. 2).

Сравнение полученных результатов показывает, что образец FLG_cel, синтезированный из целлюлозы, характеризуется наиболее высоким значением показателя адсорбции при $\text{pH} = 2$ (более 99%). Образцы FLG_lg и FLG_b также демонстрируют весьма высокие значения показателя Q (не ниже 96%). Важным результатом с точки зрения возможности практического использования малослойных графенов является факт низкой десорбции ($< 0.1\text{--}0.2\%$) микотоксина T-2 при $\text{pH} = 8$.

Таким образом, можно констатировать, что исследуемые образцы FLG проявляют способность к прочному связыванию микотоксина на своей поверхности, причем в довольно больших количествах — порядка 1 mg/g. Следует отметить, что в работе [25] авторы, используя в качестве сорбента композит состава оксид графена/хитозан, получили сорбционную емкость не более 3.85 ng/g, что гораздо ниже, чем в экспериментах с образцами FLG. В другой работе [26], используя в качестве сорбента оксид графена, удалось адсорбировать не более 69% микотоксина. Таким образом, синтезированные нами образцы FLG, следует считать довольно перспективными адсорбентами микотоксина T-2. Как известно, ключевую роль в процессах сорбции играют поверхностно-пористые характеристики адсорбентов. Как было показано выше, образец FLG_cel обладает наиболее высоким показателем удельной поверхности, и вполне логично, что именно этот образец проявляет наиболее высокую сорбционную способность в отношении микотоксина T-2.

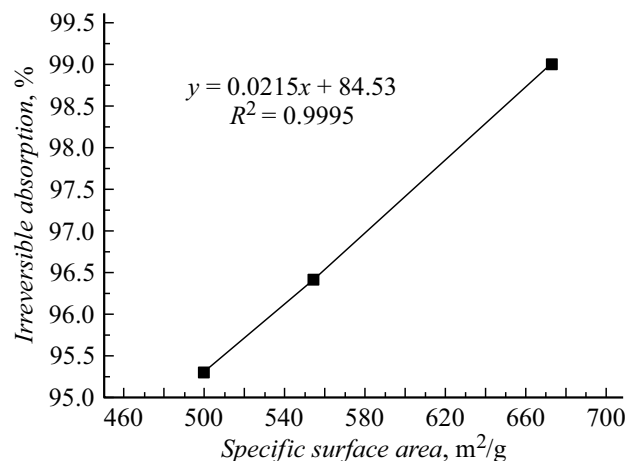

Рис. 5. Зависимость адсорбционной способности Q_s от удельной поверхности образцов FLG.

На рис. 5 представлена зависимость адсорбционной способности Q_s от удельной поверхности образцов FLG.

Как следует из рис. 5, взаимосвязь между удельной поверхностью и сорбционной способностью Q_s для исследуемых образцов выражается зависимостью $y = 0.0215 + 84.53x$, где y — Q_s , x — общая удельная площадь, [m²/g], а коэффициент линейной корреляции R между этими показателем составляет 0.999 (очень высокая положительная связь). Нелишне отметить, что взаимосвязь между удельной поверхностью микропор и сорбционной способностью также характеризуется коэффициентом корреляции R , равным 0/99.

Заключение

Проведена карбонизация биополимеров (лигнин, целлюлоза), а также растительной биомассы в виде коры в условиях процесса самораспространяющегося синтеза. Установлено, что продукты карбонизации представляют собой 2D-графеновые наноструктуры, по своим морфометрическим параметрам соответствующие малослойному графену с числом слоев 3–5.

Исследована сорбционная способность образцов в отношении 4,15-диацетокси-8-(3-метилбутирилокси)-12,13-эпокситрихотецена-3-ола (микотоксина T-2) в условиях, моделирующих среду в желудочно-кишечном тракте млекопитающих. Показано наличие тесной корреляционной взаимосвязи между удельной поверхностью образцов и их сорбционной способностью в отношении микотоксина T-2. Полученные данные позволяют сделать вывод о перспективности продолжения работ по исследованию сорбционных свойств синтезированных нами углеродных наноматериалов в отношении других классов микотоксинов.

Благодарности

Авторы благодарны профессору Крупской Л.Т. (Тихоокеанский университет, г.Иркутск) за предоставление образцов коры хвойных деревьев.

Финансирование работы

Работа выполнена в рамках государственных тематических исследований Физико-технического института им. А.Ф. Иоффе (тема № 0040-2014-0013) и Института биологии ФИЦ Коми НЦ УрО РАН (тема „Действие ионизирующего излучения и факторов не радиационной природы на биологические объекты и биогенная миграция тяжелых естественных радионуклидов“ 122040600024-5).

Конфликт интересов

Авторы заявляют, что у них нет конфликта интересов.

Список литературы

- [1] M.C. Smith, S. Madec, E. Coton, N. Hymery. *Toxins*, **8** (4), 94 (2016). DOI: 10.3390/toxins8040094
- [2] M.R. Zain. *J. Saudi Chem. Soc.*, **15** (2), 129 (2011). DOI: 10.1016/j.jscs.2010.06.006
- [3] G. Spicher. *Mycotoxins—Production, Isolation, Separation and Purification (Mykotoxine, Bildung, Isolierung, Trennung und Reinigung)* (Elsevier, Amsterdam, 1984)
- [4] J. Pleadin, J. Frece, K. Markov. *Adv. Food Nutr. Res.*, **89**, 297 (2019). DOI: 10.1016/bs.afnr.2019.02.007
- [5] N. Jiang, Z. Li, L. Wang, H. Li, X. Zhu, X. Feng, M. Wang. *Int. J. Food Microbiol.*, **311**, 108333 (2019). DOI: 10.1016/j.ijfoodmicro.2019.108333
- [6] L. Afsah-Hejri, P. Hajeb, R.J. Ehsani. *Compr. Rev. Food Sci. Food Saf.*, **19** (4), 1777 (2020). DOI: 10.1111/1541-4337.12594
- [7] G. Avantaggiato, M. Solfrizzo, A. Visconti. *Food Addit. Contam.*, **22**, 379 (2005). DOI: 10.1080/02652030500058312
- [8] G.A. Gouda, H.M. Khattab, M.A. Abdel-Wahhab, S.A. El-Nor, H.M. El-Sayed, S.M. Kholif. *Small Ruminant Res.*, **175**, 15 (2019). DOI: 10.1016/j.smallrumres.2019.04.003
- [9] A. Dakovic, M. Tomasevic-Canovic, V. Dondur, G.E. Rottinghaus, V. Medakovic, S. Zaric. *Colloids Surf. B*, **46** (1), 20 (2005). DOI: 10.1016/j.colsurfb.2005.08.013
- [10] Z.I. Tanveer, Q. Huang, L. Liu, K. Jiang, D. Nie, H. Pan, Y. Chen, X. Liu, L. Luan, Z. Han, Y. Wu. *J. Chromatogr. A*, **1630**, 461515 (2020). DOI: 10.1016/j.jchroma.2020.461515
- [11] P. Horky, E. Venusova, T. Aulichova, A. Ridoskova, J. Skladanka, S. Skalickova. *Plos one*, **15** (9), e0239479 (2020). DOI: 10.1371/journal.pone.0239479
- [12] A. Abbasi Pirouz, R. Abedi Karjiban, F. Abu Bakar, J. Selamat. *Toxins*, **10** (9), 361 (2018). DOI: 10.3390/toxins10090361
- [13] Z. Bytesnikova, V. Adam, L. Richtera. *Food Control*, **121** (9), 107611 (2021). DOI: 10.1016/j.foodcont.2020.107611
- [14] N.I. Zaaba, K.L. Foo, U. Hashim, S.J. Tan, W.W. Liu, C.H. Voon. *Procedia Eng.*, **184**, 469 (2017). DOI: 10.1016/j.proeng.2017.04.118
- [15] A.P. Voznyakovskii, A.Yu. Neverovskaya, Ja.A. Otvalko, E.V. Gorelova, A.N. Zabelina. *Nanosyst.: Phys., Chem., Math.*, **9** (1), 125 (2018). DOI: 10.17586/2220-8054-2018-9-1-125-128
- [16] А.А. Возняковский, А.П. Возняковский, С.В. Кидалов, В.Ю. Осипов. *ЖСХ*, **61** (5), 869 (2020). DOI: 10.26902/JSC_id55453 [A.A. Vozniakovskii, A.P. Voznyakovskii, S.V. Kidalov, V.Yu. Osipov. *J. Struct. Chem.*, **61** (5), 826 (2020). DOI: 10.1134/S0022476620050200]
- [17] A.G. Merzhanov, I.P. Borovinskaya. *Int. J. Self-Propag. High-Temp. Synth.*, **17** (4), 242 (2008). DOI: 10.3103/S1061386208040079
- [18] А.П. Возняковский, Г.Н. Фурсей, А.А. Возняковский, М.А. Поляков, А.Ю. Неверовская, И.И. Закиров. *Письма в ЖТФ*, **45** (9), 46 (2019). DOI: 10.21883/PJTF.2019.09.47715.17705 [A.P. Voznyakovskii, G.N. Fursei, A.A. Voznyakovskii, M.A. Polyakov, A.Yu. Neverovskaya, I.I. Zakirov. *Tech. Phys. Lett.*, **45** (5), 467 (2019). DOI: 10.1134/S1063785019050158]
- [19] А.А. Vozniakovskii, А.П. Vozniakovskii, S.V. Kidalov, J. Otvalko, A.Yu. Neverovskaia. *J. Compos. Mater.*, **54** (23), 3351 (2020). DOI: 10.1177/0021998320914366

- [20] B. Kianpour, A. Ebrahimi, Z. Salehi, Sh. Fatem. J. Chem. Petroleum Eng., **50** (2), 37 (2017).
- [21] Sangiliyandi Gurunathan, Jae Woong Han, Eun Su Kim, Jung Hyun Park, Jin-Hoi Kim. Intern. J. Nanomedicine, **10**, 2951 (2015).
- [23] F.T. Johra, J.W. Lee, W.G. Jung, J. Ind. Eng. Chem., **20** (5), 2883 (2014). DOI: 10.1016/j.jiec.2013.11.022
- [24] В.С. Крюков, В.В. Крупин, А.Н. Котик. Ветеринария, **9**, 28 (1992).
- [25] K. Krishnamoorthy, M. Veerapandian, G.S. Kim, S. Jae Kim. Curr. Nanosci., **8** (6), 934 (2012). DOI: 10.2174/157341312803989088
- [26] A. Abbasi Pirouz, R. Abedi Karjiban, F. Abu Bakar, J. Selamat. Toxins, **10** (9), 361 (2018). DOI: 10.3390/toxins10090361
- [27] A.A. Pirouz, J. Selamat, S.Z. Iqbal, H. Mirhosseini, R.A. Karjiban, F.A. Bakar. Sci. Rep., **7** (1), 12453 (2017). DOI: 10.1038/s41598-017-12341-3